

© 1998

Шередеко Ю. Л.

ВЕРОЯТНОСТНЫЙ ПОДХОД К ИССЛЕДОВАНИЮ ПСИХИКИ

II. Концепция В. В. Налимова и модель семантического пространства субъекта

Описан предложенный В. В. Налимовым вероятностный подход к исследованию психики, показано, что модель семантического пространства субъекта, описанная в предыдущей статье, базируется на этом подходе. Дано определение информационной операции и информационного процесса в семантическом пространстве субъекта, приведена классификация информационных операций, названы возможные типы информационных процессов, кратко рассмотрены процессы изменения структуры семантического пространства субъекта.

Ключевые слова: субъект, семантическое пространство, функция распределения вероятности, граница области, барьер потенциалов, информационная операция, информационный процесс, смысловая архитектура, лабильность.

В предыдущем сообщении [9] была представлена модель семантического пространства субъекта, описаны ее основания, ход построения, структура и возможные применения. Цель данной статьи — показать связь представленной модели с вероятностным подходом к исследованию психики, в частности, показать в работах основателя этого подхода В. В. Налимова [3-6] истоки структуры модели, проиллюстрировать связь с вероятностными представлениями основных понятий модели, например, понятий границ областей и барьеров потенциалов в семантическом пространстве, — ключевых понятий для раскрытия структуры семантического пространства и динамики смысловых процессов субъекта. Отметим только, что показ истоков модели семантического пространства субъекта в концепции В. В. Налимова не служит ее обоснованием (два способа ее обоснования даны в предыдущих работах [9, 10]), как не может служить обоснованием и соотнесение с другими концепциями. Такое сопоставление, показ подобия необходим, во-первых, как пример перевода представлений с одного языка (понятийного аппарата) на другой, во-вторых, для демонстрации того, что представленная модель обладает большей степенью общности и в то же время дает возможность более подробно описывать изучаемые явления.

Вероятностный подход В. В. Налимова

Здесь не ставится цель пересказа или комментария концепции В. В. Налимова. Приведем только некоторые его высказывания об основаниях вероятностного подхода к исследованию психики. Это необходимо сделать прежде всего потому, что само понятие вероятности имеет много разных трактовок, как и понятие случайности (эти вопросы рассмотрены В. В. Налимовым в [7]). Применение этих понятий в психологии еще более неоднозначно. Именно потому имеет смысл процитировать некоторые мысли основателя концепции более подробно, чем это принято в научных статьях.

«Мы говорим, что случайная величина задана, если задана ее функция распределения. А это значит, что мы вполне сознательно отказываемся в рамках этого описания от причинно-следственной трактовки наблюдаемых явлений. Нас удовлетворяет чисто поведенческое описание явлений. Функция распределения — это описание поведения случайной величины, без всякой апелляции к тому, чем это поведение вызвано. Мы, наконец, получаем право описывать явление просто как оно есть. И более того — это описание мы даем несколько размазанным — неопределенным образом: вероятность попадания непрерывной случайной величины при ее реализации, скажем, в результате измерений в какую-либо фиксированную точку равна нулю. Мы можем говорить лишь о вероятности попадания значения случайной величины в некоторый интервал значений.» [7 с. 62]

«Сейчас будет сделана попытка рассказать о том, в каком смысле мы понимаем метафорическое использование вероятностных представлений в психологии мышления. Отметим только, что

метафорическое использование понятий математики и физики в психологии отнюдь не является чем-то новым. Скажем, представления о психологических пространствах (Welwood), о спектре сознания (Wilber) или голографическая модель трансперсонального сознания (Anderson), так же как и наше представление о континуальности мышления, — это только метафоры. Мы вполне отдаем себе отчет в том, что вводимые нами семантические поля сознания — это не числовой континуум, но в каком-то смысле они ведут себя так, что можно говорить о континуальности сознания. Абстрактно-математическое представление о континууме приобретает метафорическое звучание.

... Мы допускаем, что семантическое многообразие может быть метрически упорядочено на оси μ , представляющей прямую или ее отрезок. Приписывая различным участкам прямой разные веса, мы получим некую весовую функцию, которая и будет задавать размытость рассматриваемого нами многообразия.

Если ввести нормировку, положив площадь под кривой равной единице, то мы будем иметь дело уже с функцией распределения вероятностей (остальные аксиомы теории вероятностей можно принять, не оговаривая это специально), и мы в своих психосемиотических исследованиях все время обращаемся к весовой функции, интерпретируемой как распределение вероятностей. Отметим, что само представление о ненормированной весовой функции бессмысленно: ненормированные весовые функции остаются несопоставимыми.» [5 — с. 54]

Свою модель В. В. Налимов строит следующим образом:

«Будем исходить из того, что система ценностных представлений человека задана априорно (т.е. опытом, предшествующим данной задаче) дифференциальной функцией распределения (плотностью вероятности) $p(\mu)$, построенной на континууме — шкале μ , охватывающей все многообразие семантики. При появлении новой нетривиальной проблемы у возникает (в результате свободного выбора) условная функция распределения $p(y/\mu)$, которую мы здесь будем называть фильтром пропускания, т.е. функциональным преобразователем, способным селективно изменять исходную функцию $p(\mu)$. Достаточно сильное — мультипликативное взаимодействие двух функций может быть задано формулой Бейеса:

$$p(\mu/y) = k p(\mu) p(y/\mu),$$

где $p(\mu/y)$ — апостериорная функция распределения, отвечающая новой задаче y ;
 k — константа нормировки.

Формула Бейеса отвечает всем требованиям силлогистики: из двух высказываний $p(\mu)$ и $p(y/\mu)$ с необходимостью вытекает третье $p(\mu/y)$, обладающее той же структурой, что и первые два.» [4 — с. 187].

«Семантика, заданная на континууме, недизъюнктивна. Обречена на провал всякая недиалектическая концептуализация, связанная с попыткой разбить семантическое поле на замкнутые, непересекающиеся подмножества так, чтобы отвечающие им понятия могли быть безусловно противопоставлены. Отсюда и необходимость обращения к развиваемому нами вероятностно ориентированному миру семантики, где разбиение континуума заменяется взвешиванием» [4 — с. 190].

В свете последнего высказывания необходимо пояснить, каким образом структура семантического пространства субъекта, представленная в предыдущей статье [9], оказалась образованной границами трех областей, т.е. необходимо пояснить, что представляют собой эти границы.

Граница области отождествления

«Индивидуальность человека оказывается представленной функцией распределения (точнее — плотностью вероятности) $p(\mu)$, построенной на шкале ценностей (μ)» [5 — с. 90].

Действительно, все смыслы вероятностно взвешены, и невозможно провести безусловную границу между более или менее важными смыслами. Однако смыслы, имеющие разную ценность для субъекта, все же различаются, т.е. существует основание для их отнесения к разным группам: наиболее значимые смыслы, как отмечалось в предыдущей статье, имеют достаточный потенциал, чтобы влиять на активность субъекта, на его восприятия и на всю его деятельность; в то же время, наименее значимые смыслы, очевидно, такого влияния оказать не могут. Понятно, что в каждый момент времени можно найти границу между смыслами, обладающими достаточным потенциалом для управления деятельностью субъекта, и не

обладающими таким потенциалом. Такая трактовка границы, в принципе, не противоречит представлению В. В. Налимова о непрерывном характере функции распределения $p(\mu)$, заданной на смысловом континууме. При этом следует помнить, что границы этой области могут меняться.

«Функция распределения может быть излоподобной, размытой или асимметричной — в зависимости от особенностей психики. В процессе жизни функция распределения вероятностей все время изменяется или хотя бы слегка флюктуирует относительно центра рассеяния (флюктуации системы предпочтений)» [4 с. 190].

Отметим, что все рассуждения В. В. Налимова базируются на шкале ценностей, потому эти рассуждения так или иначе относятся к области *отождествления* (области «Я»). Все, содержащееся в области «Я», значимо (актуально) для субъекта, затрагивает его, т. е. все, чему субъект придает значение, представлено в его области «Я».

Граница области рефлексии

«Вглядываясь в природу человека, мы легко замечаем, что функция распределения $p(\mu)$ является хотя и существенной, но все же недостаточной характеристикой для идентификации личности. В привычных условиях EGO человека предстает перед нами как носитель более или менее установившихся селективно выраженных оценок. В экстремальных условиях, когда возникает необходимость принимать решения и действовать в критической ситуации y , решающим оказывается выбор фильтра предпочтения $p(y/\mu)$, когда личность может быть проявлена наиболее сокровенно. Именно этим примечателен Ф. Достоевский, предпочитающий исключительные ситуации для своих героев.

Если EGO человека задается функцией $p(\mu)$, то функцию $p(y/\mu)$ уместно уже рассматривать как *мета-EGO*. Наверное, не имеет смысла говорить о том, какая из этих двух функций в большей мере определяет личность — действуют они мультипликативно. Более того, функция $p(\mu)$ вырабатывается постепенно в результате прохождения через цепь критических ситуаций, порождающих фильтры $p(y/\mu)$ и эволюционную цепочку: априорная функция распределения $p_1(\mu)$ переходит в апостериорную $p_1(\mu/y)$, которая на следующем шаге выполняет уже роль априорной функции $p_2(\mu)$. Вглядываясь в себя. в ретроспективе мы отчетливо осознаем, что неизменность нашего «я» во времени определяется не столько видом функции распределения $p(\mu)$, склонной к эволюции, сколько способностью выбирать в острых ситуациях y необходимый фильтр $p(y/\mu)$, способный мультипликативно взаимодействовать с $p(\mu)$, что по существу является нашей способностью к эволюции. И если эта способность утрачивается, то можно говорить о перерождении личности.» [4 — с. 190–191]

Как видим, В. В. Налимов недвусмысленно говорит, что кроме взвешивания смыслов значением существует еще одна функция, столь же важная для идентификации личности. Но (говоря словами Налимова) способность выбирать нужный фильтр предпочтения предполагает наличие набора фильтров, из которого производится выбор, и механизма их генерации. Однажды порожденный фильтр работает впоследствии во всех подобных ситуациях, следовательно, должен сохраняться. Порождение такого фильтра в нетривиальной ситуации — приобретение опыта (отметим, что этот опыт далеко не всегда осознаваем), а то, что ситуация оказывается нетривиальной, свидетельствует, что в опыте нет средств для ее решения, что эта ситуация еще не освоена. Множеству ситуаций, в той или иной мере освоенных субъектом, в его семантическом пространстве соответствует область освоенных смыслов. Поскольку в опыте нет противоречий (противоречия проявляются в новых нетривиальных ситуациях), то, можно сказать, что освоенные смыслы взаимоувязаны и степень их освоенности определяется степенью увязки с остальными. Чем сильнее смысл увязан с другими, тем меньше вероятность возникновения сомнений и тем больше уверенность в соответствующих действиях, возможностях, способностях, т.е. тем лучше (разностороннее) освоена ситуация и соответствующий смысл. Мы пришли к тому, что смыслы могут быть взвешены не только значением, но и степенью связности (также можно представить — дифференциальной функцией распределения). Следовательно, как и в предыдущем случае, может быть задана граница на непрерывной функции распределения: в каждый момент времени смыслы, обладающие потенциалом связности, достаточным для обеспечения уверенной деятельности в соответствующей ситуации, можно

отделить от смыслов, не обладающих таким потенциалом. Порождение нового фильтра пропускания (условной функции распределения $p(y/\mu)$) есть акт *рефлексии* (как отражения собственных познавательных установок в условиях новой нетривиальной ситуации, а не как элементарного самоотчета).

Граница области осознаваемого

К высказываниям разных мыслителей (не только В. В. Налимова) о *сознании* в контексте модели семантического пространства субъекта необходимо относиться особенно внимательно. Причиной тому не только отсутствие удовлетворительного определения и устоявшегося понимания термина, а, в первую очередь, давняя и очень живучая традиция его употребления в очень широком понимании, синонимичном психике в целом. В этом отношении показательны и высказывания В. В. Налимова.

«...одна из примечательных особенностей нашего сознания, отличающая его от компьютера, состоит в том, что его бессознательная составляющая открывается через символы, которые провоцируют спонтанное возникновение новых и неожиданных для нас функций предпочтения $p(y/\mu)$, порождающих новые ценностные представления $p(\mu/y)$ при решении новой задачи y . Существенно при этом то, что символ, спровоцировавший ценностную перестройку, не связан с новой проблемой y каким-либо определенным образом, очевидным нашему рефлектирующему сознанию. Новая ценностная ориентация открывает новое видение ситуации, порождает новое Делание на сознательном уровне.» [5 — с. 233]

В приведенном отрывке о сознании говорится и в широком, и в узком смысле. Надо сказать, что такое словоупотребление обычно не вызывает путаницы (может быть потому, что является привычным для всех, обыденным), и всегда из контекста ясно его значение. Не очевидное «рефлектирующему сознанию» попросту не осознается (в узком смысле слова), т. е. субъект не отдает в этом себе отчета. Когда же говорится о «бессознательной составляющей» сознания, под «сознанием» имеется в виду все психологическое пространство, иначе такое словосочетание воспринималось бы как алогизм. Причем, именно это словоупотребление отражает подчеркиваемую Налимовым невозможность безусловного противопоставления этих понятий, деления семантического поля на два непересекающихся подмножества.

«...мы постоянно противопоставляли сознание бессознательному. Это дихотимическое противопоставление, столь свойственное нашей культуре, все же не больше, чем риторический прием. Но, не противопоставляя, мы не умеем говорить. Хотя в действительности мы все время имеем дело с неразделимой целостностью.» [5, с. 196]

Однако, не анализируя, не разделяя и не противопоставляя, мы не имеем других средств познать целое. Для познания необходимо преодолеть синкретизм и попытаться определить сознание. Налимов, говоря о сознании в узком смысле, связывает его с деланием, с внутренним психологическим временем, порождаемыми дискретностью языка: «...сама возможность Делания, определяющая наше психологическое Время, оказалась порожденной дихотимически структурированной дискретностью основных представлений нашей культуры» [5 — с. 69]. При этом, говоря о сознании в широком смысле, он подчеркивает, что «континуальность сознания не редуцируется к дискретности языка» [5 — с. 25]. Для более четкого определения лучше спроецировать эти понятия в семантическое пространство, т. е. лучше говорить об осознаваемых или неосознаваемых смыслах и обо всем психологическом пространстве — семантическом пространстве субъекта, что и сделано самим Налимовым.

«Введение семантического поля задает представление о психологическом пространстве. Это пространство, будучи вероятностным, дает возможность описывать мир психологического через диалектику противостояния континуального дискретному (функция распределения, задающая вероятностную меру на континуальном по своей природе семантическом поле, дискретна — она определяется несколькими дискретно задаваемыми параметрами). Иными словами, мы обращаемся к двум дополняющим друг друга языковым началам — дискретному и континуальному. Сознательное, проявляющееся через дискретность, дополняется размытостью представлений бессознательного.» [4 — с. 188]

Следовательно, чтобы некое смысловое образование (часть смыслового континуума, не имеющая четких границ) стало осознаваемым, оно должно быть представлено в сознании некими дискретными

знаками, выражающими определенные сочетания значений различаемых субъектом признаков (словами, символами, образами). Только в результате такого представления становится возможным оперирование этим смысловым образованием, оно становится доступным для внутренней и внешней коммуникации, для применения к нему логических формализмов. Это представление через дискретные знаки является достаточно четким основанием разделения смыслового пространства. Мы пришли к тому, что сила связи смыслов с представляющими их знаками может быть задана дифференциальной функцией распределения, а граница области осознаваемого также может быть представлена в виде барьера (разности потенциалов).

Отметим, что семантическое пространство Осгуда [12], где определенным образом упорядочены все понятия, которыми оперирует человек, соответствует в нашей модели только области осознаваемого. Семантическое пространство Осгуда строится посредством соотнесения слов со шкалами, краевыми точками которых являются антонимичные пары языка, следовательно, все содержание этого пространства вербализуемо (по построению его точками являются понятия). Три выделенных Осгудом главных фактора, на которые проецируются практически все содержащиеся в языке исходные шкалы, — шкалы *оценок* (например, добрый — злой, полезный — бесполезный, хороший — плохой, свой — чужой, ...), *силы* (большой — маленький, тяжелый — легкий, сильный — слабый и т.п.) и *активности* (острый — тупой, быстрый — медленный, спокойный — беспокойный и др.), хорошо коррелируются, соответственно с областями отождествления, рефлексии и сознания нашей модели, оставаясь, тем не менее, в рамках области осознаваемого. Таким образом, три функции субъекта и соответствующие области смыслов в его семантическом пространстве оказываются представленными в самой структуре языка и мышления.

Размерность семантического пространства

Исходно в модели В. В. Налимова постулируется, что смыслы упорядочены на оси — линейном континууме Кантора (одномерное семантическое пространство). В нашей модели семантического пространства субъекта смыслы упорядочены на плоскости (двумерное пространство смыслов), так как иначе просто невозможно достаточно полно показать взаимоотношения трех выделенных нами областей. Хотя представление о семантическом пространстве — лишь метафора, указанное противоречие ставит вопрос о возможной его размерности. В. В. Налимов, отвечая на этот вопрос, говорил о многомерности семантического пространства.

«... смысл представления о *многомерности* семантического пространства раскрывается только через задание на нем вероятностной меры. Если, скажем, мы переходим от одномерного пространства к двумерному, то у нас появляется возможность говорить о двумерной функции распределения вероятностей. Возникает новый параметр — коэффициент парной корреляции, связывающий две случайные величины μ_1 и μ_2 , которые характеризуют различные, вероятностно связанные проявления одной и той же личности...

Многомерность личности оказывается реализацией ее полноты — отдельные ее проявления, приобретающие характер двойников, выступают перед нами как дополняющие друг друга начала." [5, с. 368]

Заметим, что в нашей (двумерной) модели семантического пространства вся многомерность семантики спроецирована на плоскость. Пока не задана метрика этого пространства, говорить о корреляции каких-либо осей в этой плоскости не имеет смысла. Поэтому в нашей модели не учитывается размерность семантического пространства, т. е. все выводы получаются как для одномерной модели. Разница только в том, что функция распределения вероятностей задается не как кривая, площадь под которой равна единице, а как трехмерная поверхность, объем под которой равен единице. Барьер потенциалов — секущая, параллельная плоскости, на которую спроецированы смыслы, — пересекая поверхность функции распределения, очерчивает границы соответствующей области в семантическом пространстве (Рис. 1а). Три названных выше области смыслов своими границами образуют структуру семантического пространства субъекта (Рис. 1б).

Наша модель семантического пространства субъекта может быть представлена и по-другому: как куб единичного объема, в котором сосредоточены все возможные смыслы (Рис. 1в). Осями этого пространства являются потенциалы трех названных выше функций, барьеры потенциалов — секущие, перпендикулярные этим осям, — делят куб на 8 частей, соответствующих восьми зонам нашей модели [9, 10]. В таком представлении семантика вообще не имеет собственной размерности и оказывается

упорядоченной взвешивающими ее функциями. Хотя при этом снимаются вопросы о размерности и метрике пространства (метрика оказывается заданной единичным отрезком каждой оси), все же для представления на бумаге нагляднее изображение, приведенное на рисунке 1б.

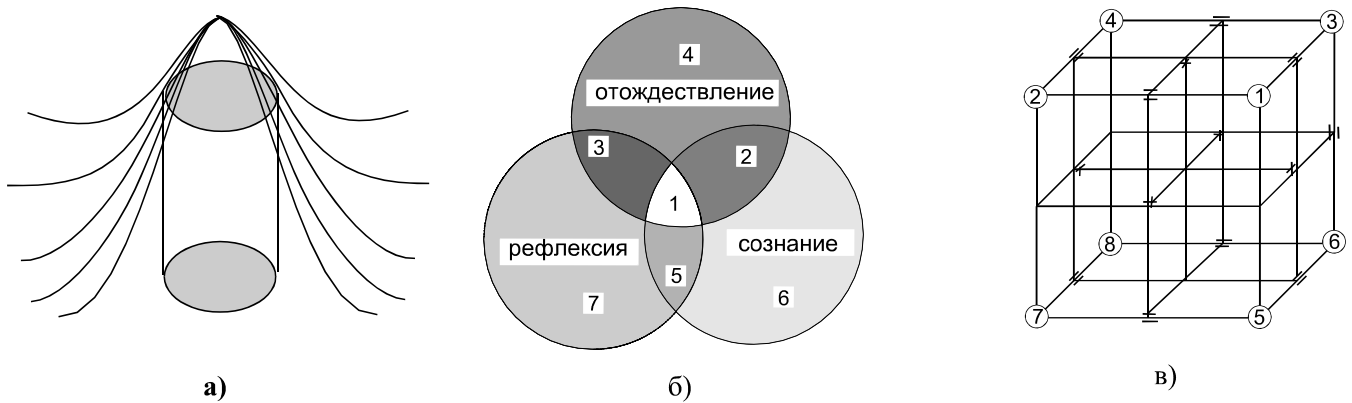

Рис. 1. Различные представления семантического пространства:

- а) представление барьера потенциалов для смыслов, соотнесенных с плоскостью;**
- б) структура семантического пространства (двумерное представление);**
- в) семантическое пространство в виде куба.**

Феномен раздвоенности личности Налимов объяснял в рамках одномерной модели с помощью двумодальной функции распределения. Представление о многомерности семантического пространства значительно интереснее, дает гораздо больший простор для интерпретации.

«Перенумеруем рядом натуральных чисел координатные оси этого пространства и будем допускать возможность различной семантической нагруженности этих осей. Рассмотрим все возможные пространства этого множества осей. Каждое такое подмножество создает личность (или гиперличность) определенного облика. Множество таких личностей будет обладать мощностью континуума. Перед нами возникает образ вложенных решеток семантических (или, если хотите, психологических) пространств, образ, выходящий за границы обыденных представлений. Образ многогранный, отражающий *предельную реальность и иллюзорность личности*, как, впрочем, и ее сопричастность *целому*.» [5 — с. 370–371]

Интересно, что этот же образ и многие связанные с ним рассуждения в более простом, хотя и более многословном изложении, содержатся в романе «Степной волк» Германа Гессе (см., например, [1, с. 138–147, 250–252]). Причем все те же вопросы до сих пор остаются столь же трудными для психологии личности, где при отсутствии определения этого понятия продолжают попытки построить классификацию типов того, что не определено. Для соционики, хотя она занимается типами информационного метаболизма (понятие, легче поддающееся определению, чем «личность») представление о многосложности и иллюзорности личности также является весьма неудобным. В связи с ним возникает вопрос, обе альтернативы ответа на который требуют от соционики серьезных обоснований и, так или иначе, ставят под сомнение «постулат об универсальности соционической парадигмы» [8, с. 75], снижая тем самым статус соционики в собственных глазах до *одного из возможных индуктивных концептуальных построений*. Вот этот кардинальный вопрос: может ли меняться тип информационного метаболизма? Если «да», то *почему* и *как* это происходит, *где*, собственно, проходит граница типа, т. е. *почему* 16 и, вообще, *16 ли* типов? Если «нет», то *что* является причиной такой жесткости типов и именно такого их числа, *что* (или *кто*), *когда* и *как* определяет принадлежность к тому или иному типу? Если же оставить возникающие вопросы без ответа, то создается впечатление, что «универсальность парадигмы» состоит лишь в задании способа видения мира, а не в описании объективно существующих его сторон, т. е., что такая парадигма ничем не отличается от догмы.

«И если в особенно одаренных и тонко организованных человеческих душах забрезжит чувство их многосложности, если они, как всякий гений, прорвутся сквозь иллюзию единства личности, ощутят свою

неоднозначность, ощутят себя клубком из множества «я», то стоит лишь заикнуться об этом, как большинство запретит их, призовет на помощь науку, констатирует шизофрению и защитит человечество от необходимости внимать голосу правды из уст этих несчастных"[1, с. 140].

Кроме рассуждений Германа Гессе и приводимых В. В. Налимовым примеров в пользу многомерности психологического пространства, в обыденной жизни, при достаточно непредвзятом взгляде, можно найти тому много подтверждений. Например, ни для кого не является секретом существование множества психотехник. Каждая из них так или иначе направлена на преодоление ограничений, увеличение возможной свободы проявлений субъекта. Но для обсуждения этой темы необходимо знакомство с типами информационных операций.

Классификация информационных операций

В семантическом пространстве субъекта существует три разных барьера потенциалов — три границы вышеназванных областей смыслов. Прохождение любой из этих границ в одну или другую сторону меняет положение (и соответствующий потенциал) смысла. Такое действие по изменению положения смысла в семантическом пространстве назовем информационной операцией. Так как границ три и преодолеваются они могут либо в одну, либо в обратную сторону, то существует всего три пары (шесть) информационных операций.

Информационные операции могут иметь *локальный* или *глобальный* характер. При локальной информационной операции часть семантического пространства субъекта меняет свой потенциал настолько, что переходит через барьер, т.е. меняет конфигурацию *участка* границы соответствующей области. При глобальной информационной операции изменяется конфигурация *всей* границы определенной области вследствие общего изменения ее потенциала, что связано со значительно большими изменениями в структуре субъекта.

1. Информационные операции, изменяющие границы области отождествленного, представляют собой аксиологический аспект информации (операции над ценностью, значимостью информации), изменяют *систему ценностей субъекта*. Этот аспект исследуется в рамках прагматического подхода к теории информации, где основное внимание обращается на ценность информации.

1.1. При вхождении в область отождествленного нового смысла (локальная информационная операция) этому смыслу придается значение, он становится значимым для субъекта. Этот смысл приобретает потенциал, достаточный для управления деятельностью субъекта.

1.2. Обратная локальная информационная операция связана с тем, что определенный смысл перестает быть значимым для субъекта, становится индифферентным, потенциал его значения падает, оказывается вне этой области, за барьером. Смысл перестает быть связанным с бытием субъекта, теряет способность влиять на его восприятие и активность, выпадает из системы предпочтений субъекта.

1.3. Общее снижение барьера потенциалов этой области (глобальная информационная операция) приводит к тому, что ее границы расширяются, вмещая смыслы, ранее считавшиеся недостаточно значимыми. Это ведет к смягчению конфронтации, устанавливается толерантное отношение к более широкому кругу явлений. Если пользоваться моделью В. В. Налимова, то можно сказать, что при этом сглаживается, «размывается» функция распределения $p(\mu)$. В пределе такое глобальное отождествление, расширение области «Я» приводит к тому, что субъект ощущает весь мир как свое «Я», — к «тотальному» самоотождествлению, даже к нирване. В представлениях В. В. Налимова «устремленность к нирване — это отказ от привязанностей, или — иначе — стремление к сглаживанию кармически заданной селективности в системе ценностных представлений. Нирвана достигается, когда система личностных ценностных представлений $p(\mu)$ вырождается в неусеченное (устреmlяющееся в бесконечность) прямоугольное распределение. При этом, в силу условий нормировки, отрезок, отсекаемый по оси ординат прямой, задающей это распределение, будет стремиться к нулю» [5, с. 128]. В таком или близком состоянии проявлять активность или, тем более, быть ее источником невозможно. Отсюда понятно, почему достижение нирваны считают актом трансценденции, т. е. перешагивания, выхода за пределы субъекта.

1.4. Глобальная информационная операция, обратная описанной, — общее повышение барьера потенциалов области отождествленного — приводит к сужению границы этой области, к разотождествлению. При этом значительная часть смыслов теряет свое значение для субъекта, выпадая за границы его области «Я». Оставшаяся область смыслов становится все более значимой (в силу условий нормировки), возрастает конфронтационное отношение к окружающему. Как ни странно, этот путь также практикуется для достижения нирваны, однако такое «постижение своей истинной природы» связано с кризисом отречения от сверхценности — иглоподобной функции распределения $p(\mu)$: «Жесткое осознание своего EGO, задаваемого иглоподобной функцией распределения, может приводить к тому, что человек начинает ощущать «малые смерти при переходе от одного момента к другому». Отсюда и представление о черных дырах — патологических состояниях, порождающих боязнь жизни и смерти, играющее столь большую роль во всех проявлениях психопатологии» [4, с.190].

2. Информационные операции, изменяющие границы области отрефлексированного, представляют собой семантический аспект информации (операции над смыслом информации, ее связностью), изменяют *систему представлений субъекта*. Этот аспект исследуется в рамках семантического подхода к теории информации, рассматривающего информацию как смысл, содержащийся в сообщении для субъекта.

2.1. При вхождении в область отрефлексированного нового смысла (локальная информационная операция) происходит его увязка со всем тезаурусом субъекта (осмысливание), он становится своим, внутренним, тем, в чем субъект абсолютно уверен, на что полагается не задумываясь, не сомневаясь. Такое вхождение в тезаурус нового смысла происходит через открытие своего понимания, что является установлением связи данного смысла со смыслами тезауруса субъекта.

2.2. Обратная информационная операция возможна, когда теряются связи с тезаурусом и смысл становится обособленным, происходит разуверивание в нем, он ставится под сомнение, выпадает из системы верований субъекта.

2.3. Общее снижение барьера потенциалов области отрефлексированного приводит к снижению критичности. Субъект начинает верить в то, что раньше ему казалось сомнительным, но зато появляются обширные возможности для понимания нового. В пределе в тезаурус включаются любые смыслы, делая его противоречивым и несвязным; он теряет свои функции, перестает быть тезаурусом. Такая система утрачивает свой внутренний (обособленный) мир, действует по внешним стандартам, перестает быть субъектом, источником активности.

2.4. Обратная глобальная информационная операция приводит к тому, что из тезауруса выпадают смыслы с меньшим потенциалом связности и остаются только жестко связанные. В этом случае повышается догматизм субъекта, его зона уверенности сужается. В пределе повышение барьера потенциалов области отрефлексированного приводит к крайней догматичности, граничащей с жесткой запрограммированностью в очень узкой области, которую уже нельзя считать внутренним миром. Вне этой области система так же, как и в предыдущем случае, действует по внешним стандартам. Поскольку жесткую запрограммированность области отрефлексированного нельзя считать тезаурусом, внутренним миром, т.к. новое не может быть включено в него, осмыслено, то такая система также перестает быть субъектом.

3. Информационные операции, изменяющие границы области осознаваемого, представляют собой синтаксический аспект информации (операции со знаковой информацией), изменяют *понятийный аппарат субъекта*. Этот аспект исследуется в рамках синтаксического подхода к теории информации.

3.1. Вхождение нового смысла в область осознаваемого (локальная информационная операция) происходит благодаря его обозначению, т.е. установлению соответствия между этим смыслом и некоторым другим или другими, содержащимися в области осознаваемого, способными выступать в виде метки-знака. Такая метка является названием признака или совокупности признаков и дает возможность замечать и удерживать во внимании соответствующий ей смысл, оперировать им, запоминать его и передавать другим. Процесс осознания есть выражение нового имеющимися средствами. Таким образом, смысл становится представленным в понятийном аппарате субъекта. Далеко не всякий смысл имеет шанс попасть в область осознаваемого. Вильям Штерн (ввел понятие коэффициента умственной одаренности — IQ) отмечал:

«Только там, где существует внутренняя и внешняя неопределенность, где возникают затруднения и противоречия, столкновение этих противоречий «высекает искру сознания». Поэтому в сознании отражается не вся жизнь целиком, а только те ее стороны, которые связаны с жизненной борьбой» [11, с. 194].

3.2. Обратная информационная операция возможна, когда устраняется соответствие между знаком-меткой и обозначаемым смыслом или когда сам знак-метка становится недоступным для пользования. Потенциал связи знака со смыслом может быть уменьшен до значений ниже барьера потенциалов области осознаваемого, либо когда один знак обозначает слишком много смыслов (агрегирование смыслов, сворачивание), либо когда один смысл обозначается многими разными знаками. Необходимо отметить, что смыслы, выпавшие из области осознаваемого, продолжают влиять на поведение и восприятие субъекта и потенциально могут быть осознаны.

3.3. Общее понижение барьера потенциалов области осознаваемого (глобальная информационная операция) приводит к «расширению» сознания за счет ранее неосознаваемых, недостаточно отчетливых («сумеречных») смыслов. Одновременно с расширением сознания эта информационная операция приводит к снижению уровня волевого контроля за происходящим, к иррациональному поведению. В пределе это приводит к тому, что поток новых смыслов «захлестывает», теряется всякая способность контроля и наблюдения, т. е. теряется возможность целенаправленного взаимодействия с миром (да и само сознание), т. е. система перестает быть субъектом.

3.4. Обратная глобальная информационная операция — повышение барьера потенциалов области осознаваемого — приводит к повышению отчетливости сознания и уровня волевого контроля за счет перенесения за границы области осознаваемого недостаточно отчетливых смыслов и, таким образом, сужения области осознаваемого. При этом возрастает рациональная составляющая деятельности, но также возрастает давление неконтролируемого иррационального, риск ему поддаться и напряжение противостояния. В пределе повышение барьера потенциалов области осознаваемого приводит к формированию очень узкой области сверхотчетливых однозначных смыслов, которые «захватывают» субъекта настолько, что нельзя сказать, может ли он что-то контролировать. Поскольку в этом состоянии процесс осознания нового невозможен, то нет резона называть такое состояние сознательным. При этом активность оказывается жестко запрограммированной. Поэтому подобную систему точнее называть автоматом, или даже зомби, чем субъектом.

Информационные процессы в семантическом пространстве субъекта

В статье [10] дана классификация информационных процессов, представляющих собой последовательность локальных информационных операций, рассмотрен класс когнитивных информационных процессов. Эта классификация обладает свойством полноты, т. е. содержит *все* возможные (всего 200) простые (не содержащие взаимообратных операций) информационные процессы, т. е. *все* возможные способы *оперирования субъекта со смыслами* описываются этими процессами или их сочетаниями.

Кроме оперирования со смыслами в понятие информационного процесса входят взаимодействия субъектов, а также изменение субъектом собственной, говоря словами В. В. Налимова, *смысловой архитектуры* [6] (структуры своего семантического пространства). Далее кратко остановимся на информационных процессах, относящихся к последнему типу.

Как было сказано выше, глобальные информационные операции — изменение значения барьера потенциалов и очертаний границ соответствующих областей семантического пространства — приводят к существенным изменениям субъекта. Есть две весомые причины, чтобы не рассматривать процессы указанного типа (по аналогии с классификацией процессов оперирования смыслами) как последовательность глобальных информационных операций (формально, с учетом направленности и количества операций, их очередности и возможности одновременного протекания, таких последовательностей, которые не содержат взаимообратных операций, может быть всего 116). Первая причина состоит в том, что глобальная информационная операция значительно более трудоемка, чем локальная. Ощутимое изменение значения барьера потенциалов, а тем более управляемое — весьма редкое явление. Стоит ли говорить о последовательностях таких операций?! Вторая причина в том, что к

существенному изменению структуры семантического пространства могут приводить не только глобальные операции с изменением значения барьера потенциалов. «Дрейф» границ какой-либо области семантического пространства без изменения ее площади (а значит, и значения барьера потенциалов) также может вызывать изменения структуры семантического пространства, даже вплоть до исчезновения некоторых его зон или секторов [9], — до возникновения патологии (субъект, в структуре которого отсутствуют некоторые элементы, в определенном смысле неполноценен). Такой «дрейф» границ областей можно представить в виде *обменной* информационной операции (одновременного выполнения двух взаимобратных локальных информационных операций по отношению к двум разным участкам смыслового пространства), при которой одни смыслы, уменьшив свой потенциал, покидают соответствующую область пространства, в то же время другие, увеличив потенциал на ту же величину, входят в эту область.

Говоря о процессах изменения смысловой архитектоники субъекта необходимо обращать внимание прежде всего на *подвижность* границ областей его семантического пространства, которая, в частности, может быть вызвана подвижностью значений соответствующих барьеров потенциалов. Отметим, что и при обычных процессах оперирования со смыслами границы областей и значения барьеров потенциалов флюктуируют в пределах некоторого допуска, однако в сравнении со значениями барьеров и площадью областей эти отклонения пренебрежимо малы. Ощутимые изменения структуры субъекта могут быть вызваны только ощутимыми (сравнимыми по величине с соответствующими номиналами) отклонениями значений барьеров потенциалов и/или границ областей (при этом трудоемкость обменных информационных операций сравнима с трудоемкостью глобальных). Если такие отклонения обратимы и могут повторяться, то надо говорить о пределе *лабильности* потенциалов и/или границ. Такая лабильность может приводить к нестабильности структуры субъекта, к ситуативному изменению его организации, вариативности смысловой архитектоники.

Возвращаясь к вопросу о психотехниках, необходимо обратить внимание, что все они направлены на расширение предела *контролируемой* лабильности границ областей. Контролируемость здесь является необходимым условием избегания патологий, т. е. если она не выполняется, то такое состояние близко к патологии: произвольные отклонения в структуре субъекта всегда ставят его в трудные положения и воспринимаются обычно как патология (отклонение от нормы), даже если они ситуативно оправданы (целесообразны) и само изменение структуры субъекта не приводит к патологическим ее значениям.

Интересно заметить, что данная И. Н. Калинаускасом [2, с. 71-122] классификация духовных путей хорошо коррелируется с получаемыми из анализа нашей модели представлениями о возможных путях изменения смысловой архитектоники субъекта. Калинаускас выделяет четыре группы путей: «пути воздействия» (или «пути силы»), «медитативные пути», «пути управления» («пути хитрого человека») и, наконец, «пути трансформации». Из их описания легко увидеть, что три из них сводятся к воздействию на границы трех областей семантического пространства. Так, «пути силы» сводятся к развитию способности контролируемого воздействия на объективную реальность. Область осознаваемого в нашей модели (см. построение модели [9, 10]) образуется как результат выполнения третьего условия существования субъекта (чтобы быть субъектом система должна быть способной взаимодействовать с миром и с другими субъектами). «Медитативные пути» — пути овладения внутренней субъективной реальностью, отображаемой в нашей модели областью отрефлексированного (соответствует второму условию существования субъекта). «Пути трансформации» — изменения самотождественности — соответствуют воздействию на границы области отождествления. Оставшуюся группу путей — «пути управления», — как следует из их описания, естественно отождествить с воздействием (расширением) на зону 1 смыслового пространства (пересечение всех трех областей), которая является достаточным условием существования субъекта.

Так, без введения представлений о многомерности семантического пространства мы, в рамках нашей модели, пришли к возможности описания тех же феноменов: двойниковые состояния, многомерность личности, нестабильность типов, — эти и многие другие явления получают объяснения и обоснования. Но прежде, чем обращаться к ним, необходимо дать представление о смысловой архитектонике субъекта, о ее стабильных и метастабильных типах, а это уже тема следующего сообщения.

Л и т е р а т у р а :

1. Гессе Г. Степной волк. Роман, повести. Пер. с нем. — Новосибирск: Новосибирское книжное издательство, 1990. — 352 с.
2. Калинаускас И. Н. Духовное сообщество. — К.: Фирма «Артис». 1992. — 133 с.
3. Налимов В. В., Дрогалина Ж. А. Вероятностная модель бессознательного. Бессознательное как проявление семантической Вселенной. //Психологический журнал. Том 5. № 6. 1984. — С. 111–112.
4. Налимов В. В., Дрогалина Ж. А. Как возможно построение модели бессознательного //Бессознательное. Т.4. — Тбилиси; «Мецниереба». 1985. — С.185–198.
5. Налимов В. В. Реальность нереального. Вероятностная модель бессознательного. — М.: «Мир идей», АО АКРОН. 1995. — 432 с.
6. Налимов В. В. Спонтанность сознания. Вероятностная теория смыслов и смысловая архитектура личности. — М.: «Прометей». 1989. — 287 с.
7. Налимов В. В. Язык вероятностных представлений. //Автоматика. № 1. 1979. — С. 62–74.
8. Чурюмов С. И. Возможное и невозможное в соционике, или улыбка Чеширского кота (методологические размышления). //Соционика, ментология и психология личности. № 4. 1998. — С. 74–76.
9. Шередеко Ю. Л. Вероятностный подход к исследованию психики. I. Модель семантического пространства субъекта.. //Соционика, ментология и психология личности. № 4. 1998. — С. 54–62.
10. Шередеко Ю. Л. Классификация информационных процессов. Когнитивные процессы. //Управляющие системы и машины. № 1. 1998. — С. 5–17.
11. Штерн В. Персоналистическая психология. //История зарубежной психологии (30–60-е гг. XX в.). Тексты. — М.: Изд. Моск. ун-та. 1986. — 344 с.
12. Osgood Ch. The Representational Model and Relevant Research Methods. //Trends in Content Analysis / Pool I. de S. Urbana. 1959.

